

ВОСТОЧНАЯ ЗАРЯ

№ 21.

Среда, 27 января 1910 г.

Отдельный №—5 коп.

Выходить из г. Иркутск ежедневно, кроме понедельников.

Рукописи авторов подлежат переработке, изменению и сокращению. Мелкие статьи, заметки, стихотворения и проч., одобренные редакцией, подвергаются уничтожению. Крупная статья хранится в течение шести месяцев.

Объявления из всех мест и стран принимаются непосредственно в контору газеты в Иркутск, Большая ул., д. Юзовского, № 18, а также в конторах: *Торгового Дома Л. и Д. Метцль и Ко* (Москва—Мясницкая, д. Ситова; Варшава—Маршалковская ул., —180 и Петербург—Б. Морская, 11); *Торг. домъ Бруно Валентини* С.-Петерб. Екатерининский каналъ 12/121; *Н. П. Гольдина* (Москва—Тверская, д. Бахрушина); *Торгового Дома I Вукаевичъ* (Варшава—Маршалковская, 120). В контору объявлений *Х. В. Грауцъ и сынъ* (Вильна, Большая, 60). В контору объявлений „Геральдъ“ (Петербург—Вознесенский просп., № 8, и во всех вообще конторах по приему подписки и объявлений. Объявления из Европейской России через комиссионеров таксируются по 25 к. строка впереди текста и 15 к. за текстомъ.

Адрес конторы и редакций: Большая ул., д. № 18. Юзовского, противъ магазина Макушина и Писова. Контора для приема подписки и объявлений открыта съ 9 ч. до 6 ч. веч. во все дни, кроме воскресенья.

Тел. № 250.

Для личных объяснений редакция открыта ежед., кроме воскрес., съ 1 до 3 ч. дня.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА:

Внутр. авт. на год—9 р., 6 мес. 4 р., 3 м.—2 р. 80 к., 1 кв. 1 р. За границу: на год—14 р., 6 мес.—8 р., 3 м.—5 р., 1 кв. 2 р. Городская почта при плате: от 1 до 15 каждого месяца, от январского—только съ 1 часа; на первую адрес городского или городского—40 коп. ОБЪЯВЛЕНИЯ в строку пятажды дважды: токомъ—30 коп., за токомъ—10 коп.

Печать и внутренняя жизнь.

„Русское Знамя“ взяло под подозрѣніе недавно организованный „всероссийскій клубъ“.

Ни для кого не секретъ, что въ основѣ „всероссийскаго національнаго клуба“ лежатъ затѣванное всоконституціонное стремленіе наладить мирное сожитѣлство національностей. Собираются устроить общую палату для русскихъ и словъ, объявивъ, что это по самой природѣ немислимо, такъ какъ жить можетъ быть съмысль, того же вѣра оны. Но главѣйшая дѣль клуба —исправлять провалевшееся дѣло русской революціи. Еще въ 1906 году сподвижники Левова, Брандта и преемники духа Бакунина А. В. Афанасьевъ, въ „Браслетъ Знамени“ отъявъ упреки революціонеровъ за то, что они не прибрали хорошо къ рукамъ нашихъ офицеровъ и не постарались своей революціоннаго походу украсить національными цвѣтами. И дѣйствительно—доказавъ бы революціонеры тогда предать своему выступленію нацональные русскіе интересы, то революція могла бы улечься за собой не только утигавовъ, но еще и тѣхъ леопардовъ, которые теперь лезутъ въ „всероссийскому національному клубу“ и вырывать въ раззолоченный на конституціонную обочину „всероссийскій національный клубъ“.

Субсидіи что ли не подбалились или просто свой своего не познала.

Изъ анекдотовъ о Чеховѣ. „Утро России“ въ номерѣ, вышедшемъ въ день чеховскаго юбилея, приводитъ нѣсколько такихъ анекдотовъ:

Чеховъ любитъ шутить.
Здуть по Тверской съ 1—скажи на ладъ.

Настроение у Антона Павловича было чудесное.

На съ того ни съ сего купили громадный арбузъ.

На углу Леонтьевского онъ велѣлъ извозчику подъѣхать къ городовому.

—Подержи-ка, любезный!—протянулъ онъ арбузъ городовому.

Тотъ, недоумѣвая, взялъ.

—Извозчикъ, погоняй!

Лихачъ повесъ.

А Чеховъ городовому кричить:

—Эго бомба!

Городовой, боясь бросить арбузъ и боясь двинуться съ нимъ, стоялъ остолбенѣвъ.

И вѣроятно долго простоялъ, пока пріятели не скрылись изъ виду.

Въ „Прагѣ“ онъ спрашиваетъ официанта.

—Скажи-ка, любезный, гдѣ у васъ „Московскія Вѣдомости“.

Тотъ, было, сдѣлалъ шагъ, чтобы достать съ сосѣдняго стола газету Грингмута.

А Чеховъ ему:

—Эхъ, ты какой братецъ недогадливый... Я у тебя не про это спрашиваю... Ну ежели, деликантнаго обхожденія не понимаешь, то спрошу прямо „гдѣ у васъ тутъ уборная“...

Остановить въ Петровскомъ паркѣ какого-нибудь пріятеля своего. Напримѣръ Сергѣенку.

Кричитъ:

—А... Здравствуй, Грингмутъ! Какъ поживаешь?...

Начинаетъ громко вести черносотенный разговоръ.

Сергѣенко конфузится.

Публика собирается, на лже-Грингмута пальцемъ показываетъ.

А Чеховъ доволенъ мистификаціей.